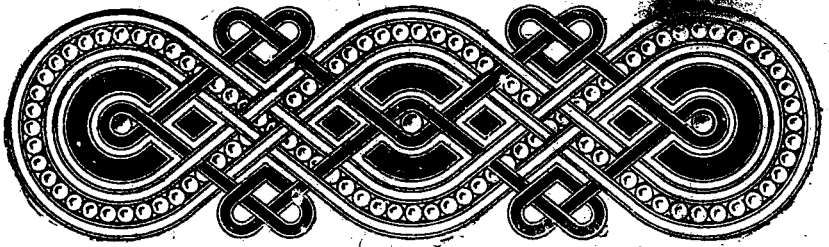

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ
ФЕВРАЛЬ, 1915 Г.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢВИЧЪ СУВОРИНЪ.

—
X.

Суворинъ и Чеховъ.

АЛЕКСѢЙ Сергѣевичъ Суворинъ любилъ Ант. П. Чехова, это всѣмъ извѣстно. Когда Чеховъ умеръ, Суворинъ, печатая о немъ сочувственную замѣтку, сказалъ, между прочимъ, такъ:

— Онъ молодилъ меня.

Суворинъ, какъ человѣкъ, очень увлекающійся, всегда что-нибудь ищущій, открывающій и радующійся всякой своей удачѣ на этомъ пути, услыхалъ впервые объ Ант. П. Чеховѣ отъ В. П. Буренина. Послѣдній съ великой прозорливостью увидалъ въ авторѣ рассказовъ «Скорая помощь», «Егеръ» и т. п., напечатанныхъ въ «Петербургской Газетѣ» (по восьми копеекъ за строчку!), нѣчто побольше веселаго Антоши Чехонте и сказалъ объ этомъ Д. В. Григоровичу и А. С. Суворину. Григоровичъ прочиталъ указанные г. Буренинымъ рассказы, также пришелъ въ восторгъ и пріѣхалъ къ Суворину, крича:

— Талантъ! Талантъ! Вы его должны пригласить!

А. С. Суворинъ сразу повѣрилъ этимъ двумъ авторитетнымъ мнѣніямъ и пригласилъ Чехова. Читая присланный имъ рассказъ «Панихида» (за подписью «А. Чехонте»), онъ такъ восхитился

этимъ произведеніемъ, что телеграммой просилъ автора подписаться настоящей фамиліей. Такимъ образомъ и народилось въ литературѣ новое имя «Ан. Чеховъ».

Второй разсказъ—«Агафья» и затѣмъ третій—«Вѣдьма» окончательно покорили Суворина. И онъ полюбилъ Чехова заглазно, за его талантъ, свѣжесть, самостоятельность. Онъ сразу далъ ему отличный гонораръ, обласкалъ, наговорилъ при этомъ много полезнаго, укрѣплялъ въ той манерѣ письма, которую избралъ Чеховъ, отмѣчалъ все наиболѣе удачное въ его разсказахъ. Однимъ словомъ, Суворинъ выбралъ въ беллетристической оранжереѣ лучшей тогда цвѣтокъ-сѣянецъ и сталъ его холить, нѣжить, лелѣять, ухаживать за нимъ, и Чеховъ распустился роскошнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ. Буренину, Григоровичу Чеховъ былъ обязанъ многимъ, Суворину—всѣмъ. По свойству своей природы дѣлать людямъ добро, Суворинъ отдавалъ Чехову столько отцовской ласки и любви, что Антонъ Павловичъ обязанъ былъ до гробовой доски это цѣнить и помнить. Но въ послѣдствіи Чехова забрали въ свои руки такъ называемые либералы. Какъ это ни прискорбно и ни смѣшно, а тѣ же Лавровъ и Гольцевъ, о комъ молодой Чеховъ столь презрительно отзывался въ бесѣдѣ съ А. А. Суворинымъ, закабалили Чехова, платя ему жалованье по двѣсти рублей (только!) въ мѣсяць и по скольку-то съ листа, лишь бы Чеховъ не писалъ въ другихъ изданіяхъ. Періодъ сотрудничества въ «Русской Мысли» самый печальный для Чехова. Насколько онъ былъ свѣжъ и талантливъ въ «Новомъ Времени», настолько же тусклъ и посредственъ въ «Русской Мысли». Всѣ эти повѣсти—«Жена», «Убійство», разсказъ о какомъ-то интеллигентѣ, во имя политики угодившемъ въ лакеи,—все это было настолько слабо, что прежняго Чехова напоминало въ очень незначительной степени. Этого мало, появился разсказъ «Ариадна», цѣль котораго была ниже достоинства автора...

Въ этотъ періодъ Чеховъ, несомнѣнно, получалъ отъ А. С. Суворина не мало писемъ. Думаю, что Суворинъ, любя Чехова, а еще болѣе его талантъ, скорбѣлъ о странномъ направленіи его дарованія и, по своей откровенности, не оставлялъ этого безъ письменныхъ и, можетъ быть, рѣзкихъ упрековъ. Однажды Чеховъ при мнѣ получилъ письмо отъ Суворина. Большое, мелко исписанное обычнымъ суворинскими іероглифами. Чеховъ читалъ его долго, насупившись, и вдругъ сказалъ:

— Суворинъ думаетъ, что мой свѣтъ въ окнѣ только «Русская Мысль!» Странно, право... И за что нападать на «Русскую Мысль»? Если я пишу неудовлетворительно, то развѣ журналъ здѣсь причиною?

Больше Антонъ Павловичъ ничего не сказалъ, и, что было еще въ письмѣ Суворина, я не знаю. Думаю, что Суворинъ упрекалъ Чехова за исключительное сотрудничество у Лаврова и, можетъ

быть, высказывалъ мысль, что сѣрая обстановка журнала плохо вліяла на талантъ автора книги «Въ сумеркахъ». Но это только мои предположенія.

Возможно ли, дѣйствительно, такое вліяніе? То-есть вліяніе журнала на писателя-сотрудника? Это смотря, что за человѣкъ авторъ. Чеховъ былъ очень впечатлителенъ и въ то же время рыхлъ, и на него обстановка могла вліять въ ту или иную сторону. Я допускаю, что люди, вродѣ Гольцева, Соболевскаго, Лаврова, могли до известной степени понизить вдохновеніе Чехова. А по правдѣ сказать, Чеховъ къ тому времени почти использовалъ себя, какъ беллетристъ, и краски его пера естественно поблекли. Онѣ ожили въ драмахъ Чехова, потому что драмы потребовали огромнаго напряженія силъ, и Чеховъ это сдѣлалъ, въ ущербъ своему здоровью. Писаніе для театра оживило, воскресило его талантъ, но не настолько, чтобы онъ создалъ что-нибудь замѣчательное. Л. Н. Толстой совсѣмъ не понималъ его драмы «Дядя Ваня» и называлъ ее «трагедіей на пустомъ мѣстѣ»—убійственная, но вѣрная характеристика.

А. С. Суворинъ, насколько мнѣ извѣстно, чеховскихъ пьесъ послѣдняго періода его творчества не любилъ, но онъ высоко поставилъ драму «Ивановъ» (въ смыслѣ пьесы, пожалуй, самую удачную) и за «Чайку», провалившуюся въ Александринскомъ театрѣ, вступился горой. Онъ отмѣтилъ все, гдѣ горитъ и переливается искрами чеховское дарованіе. Продолжая любить писателя-Чехова, онъ возмутился грубымъ отношеніемъ петербургской публики, громко называвшей пьесу «чепухой» и «вздоромъ»; вообще, эта статья Суворина есть горячая отповѣдь всѣмъ, кто осудилъ произведеніе талантливаго автора. Но еще болѣе она—отеческое любовное заступничество за милого человѣка.

А. П. Чеховъ, во времена давнопрошедшія, высказывалъ симпатіи къ Суворину, а въ письмахъ къ нему говорилъ о своей любви. Въ послѣднее время, когда онъ писалъ драмы для Художественнаго театра, о такой любви къ Суворину даже было говорить странно. Чеховъ выражалъ, и не разъ, полную неприязнь къ А. С.—чу, и я не знаю, чѣмъ это объяснить. Думаю, что не разность взглядовъ въ политическомъ отношеніи тому причиной. Вѣрнѣе, что откровенные и проникнутые горькимъ чувствомъ упреки Суворина и при встрѣчѣ и въ письмахъ раздражали Ант. П. Чехова. Онъ и физически былъ нездоровъ, и самолюбіе его достигло болѣзненно-ненормальныхъ размѣровъ. Все это привело къ печальному разрыву Чехова съ Суворинимъ, и это болѣе повредило Чехову, чѣмъ Суворину. Если бы Антонъ Павловичъ остался до конца другомъ Алексѣя Сергѣевича, онъ бы, можетъ быть, удержался отъ многого такого, что онъ сдѣлалъ...

Ошибки, конечно, свойственны каждому. Но дружба съ Суворинимъ избавила бы Чехова отъ многихъ ошибокъ; а вотъ дружба

съ гг. Гольцевымъ, Давровымъ, а затѣмъ съ редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» и руководителями и артистами театра не избавила Чехова отъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ шаговъ. Очень жаль, что все это такъ вышло...

Любовь Суворина къ Чехову, разумѣется, также потускнѣла, хотя Суворинъ всегда стремился сдѣлать Чехову только одно добро. Суворинъ, отыскавъ Чехова въ мелкой прессѣ, первый способствовалъ росту его таланта. Онъ его любилъ, какъ коллекціонеръ, отыскавшій на грязномъ рынкѣ довольно цѣнную рѣдкость. Суворинъ въ литературномъ смыслѣ коллекціонерствовалъ долгіе годы. Его составъ сотрудниковъ доказываетъ, какая у него бывала коллекція талантовъ. Чеховъ былъ въ ней яркій самоцвѣтный камень. И Суворинъ—первый и главный его гранильщикъ. Блескъ Чехова—въ немъ рука мастера-Суворина отражена безспорно. И таланту, и душѣ человѣка, пользующагося дружбой А. С. Суворина, это было всегда выгодно. Потому что Суворинъ, повторяю, какъ глубоко-нравственная личность, могъ вліять лишь въ добромъ смыслѣ, а его умъ и талантъ создали изъ него первокласснаго руководителя многихъ литературныхъ дѣятелей.

И Антонъ Чеховъ былъ средней по величинѣ золотой чашей русской литературы; на этой изящной чашѣ-кубкѣ есть, несомнѣнно, узоры искусной чеканки А. С. Суворина...

Вліяніе А. С. Суворина на Чехова было прежде огромное. Помню, когда происходили словесные бои въ обществѣ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, когда крупные драматурги стремились лишить голоса драматурговъ маленькихъ и скоро добились этого,—къ А. С. Суворину ходили на поклонъ и казначей общества Майковъ, и писатель Шпажинскій; общество поднесло А. С. Суворину какую-то почетную медаль. При этомъ Суворину постарались изобразить суть дѣла такъ, что и онъ склонился къ идеѣ, что хозяиномъ можетъ быть лишь тотъ, кто зарабатываетъ извѣстную опредѣленную сумму денегъ. Но что отъ этого страдалъ принципъ права собственнаго голоса каждаго драматурга, хотя бы и маленькаго, на это Суворинъ особаго вниманія не обратилъ, тѣмъ болѣе, что онъ вѣрилъ составу правленія. Антонъ Павловичъ Чеховъ сначала былъ на сторонѣ маленькихъ драматурговъ и горячо объ этомъ говорилъ съ А. Д. Курецкимъ, въ тѣ годы писавшимъ въ «Новое Время» фельетоны изъ Москвы и громившимъ гг. членовъ правленія названнаго общества. Да и мнѣ лично Чеховъ говорилъ (когда ужъ права голоса для большинства членовъ были отмѣнены):

— Это несправедливо, очень несправедливо!

Самъ Суворинъ, вѣроятно, побывавъ на общемъ собраніи драматурговъ, которыя проходили очень бурно и подчасъ даже безтолково, разсердился на шумящихъ неизвѣстностей, поэтому и сталъ на сторону новаго правила. И вотъ, когда борьба была въ полномъ разгарѣ, а Чеховъ гостилъ въ квартирѣ издателя «Новаго Времени», А. С. Суворинъ, какъ я предполагаю, перестроилъ мысли Антона Павловича въ обратную сторону, и Чеховъ написалъ и напечаталъ въ «Новомъ Времени» шуточную статейку «Вынужденное объясненіе», за подписью «Акакій Тарантуловъ», а Суворинъ снабдилъ ее примѣчаніемъ отъ редакціи. Вещичка эта невелика, смѣшна и характерна, и я ее привожу здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она въ тѣ давніе годы произвела страшное волненіе и досаду среди маленькихъ драматурговъ.

«ВЫНУЖДЕННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ».

«Въ 1876 году, 7-го іюня, въ 8^{1/2} часовъ вечера мною была написана пьеса. Если моимъ противникамъ угодно знать ея содержаніе, то вотъ оно. Отдаю его на судъ общества и печати.

«СКОРОПОСТИЖНАЯ КОНСКАЯ СМЕРТЬ

или

ВЕЛИКОДУШІЕ РУССКАГО НАРОДА».

Драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любвинъ, молодой человѣкъ.

Графиня Финикова, его любовница.

Графъ Финиковъ, ея мужъ.

Нилъ Егоровъ, извозчикъ № 13326.

Дѣйствіе происходитъ среди бѣла дня, на Невскомъ проспектѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня и Любвинъ ѣдутъ на извозчикѣ Нилѣ Егоровѣ.

Любвинъ (*обнимая ее*). О, какъ я люблю тебя! Но все-таки я не буду въ покоѣ, покуда мы не доѣдемъ до вокзала и не сядемъ въ вагонъ. Чувствуетъ мое сердце, что твой подлець-мужъ бросится сейчасъ за нами въ погоню. У меня поджилки трясутся. (*Нилу*). Поѣзжай скорѣй, чортъ!

Графиня. Скорѣе, извозчикъ! Хлобысни-ка ее кнутомъ! Ъздить не умѣешь, курицынъ сынъ!

Нилъ (*алещетъ по лошади*). Ну! Но! Но! Холера! Господа на чай прибавятъ.

Графиня (*кричитъ*). Такъ ее! Такъ ее! Нажаривай дряннэтакую, а то къ поѣзду опоздаемъ.

Любвинъ (*восторгаясь ея неземной красотой*). О, моя дорогая! Скоро ты будешь принадлежать всецѣло мнѣ, но отнюдь не мужу! (*Оглядываясь съ ужасомъ*). Твой мужъ догоняетъ насъ! Я его вижу! Извозчикъ, погоняй! Скорѣй, мерзавецъ, сто чертей тебѣ за воротникъ! (*Дунитъ Нила въ спину*).

Графиня. По затылку его! Постою, я сама его зонтикомъ... (*Дунитъ*).

Нилъ (*хлещетъ изо всѣхъ силъ*). Но! Шевелись, анаеема! (*Изморенная лошадь падаетъ и издыхаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и графъ.

Графъ. Вы бѣжать отъ меня? Стой! Измѣнница! Я ли тебя не любилъ? Я ли тебя не кормилъ?!

Любвинъ (*малодушно*). Задамъ-ка я стрекача! (*Убѣгаетъ подъ шумокъ собравшейся толпы*).

Графъ (*Нилу*). Извозчикъ! Смерть твоей лошади спасла мой семейный очагъ отъ поруганія. Если бы она не издохла внезапно, то я не догналъ бы бѣглецовъ! Вотъ тебѣ сто рублей!

Нилъ (*великодушно*). Благородный графъ! Не нужно мнѣ вашихъ денегъ! Для меня послужить достаточной наградой сознаніе, что смерть моей любимой лошади послужила къ огражденію семейныхъ основъ! (*Восхищенная толпа качаетъ его*).

Занавѣсъ.

Эту шутку Чеховъ кончаетъ слѣдующимъ ядовитымъ послѣсловіемъ:

«Въ 1886 году, 30-го февраля (!) эта моя пьеса была сыграна на берегу озера Байкала любителями сценическаго искусства. Тогда же я записался въ члены общества драматическихъ писателей и получилъ отъ казначея А. А. Майкова надлежащій гонораръ. Больше никакихъ пьесъ я не писалъ и никакого гонорара не получалъ.

«Итакъ, состоя членомъ названнаго общества и имѣя права, симъ званіемъ обусловленныя, я отъ имени нашей партіи настоятельно требую, чтобы, во-первыхъ, предсѣдатель, казначей и секретарь и комитетъ публично попросили у меня извиненія, во-вторыхъ, чтобы всѣ перечисленные лица были забаллотированы и замѣнены членами нашей партіи, въ-третьихъ, чтобы 25.000 рублей изъ годового бюджета общества были ежегодно ассигнуемы на покупку билетовъ гамбургской лотереи, и чтобы каждый выигрышъ дѣлился между членами общества поровну...» и т. д., еще нѣсколько смѣшныхъ требованій.

Отъ редакціи (то есть, можетъ быть, отъ самого А. С. Суворина въ компаніи съ Чеховымъ).—«Помѣщая это заявленіе почтеннаго члена общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ Акакія Тарантулова, мы льстимъ себя надеждою, что оно вызоветъ полное сочувствіе по крайней мѣрѣ въ половинѣ достопочтенныхъ членовъ этого общества, заслуги которыхъ столь же велики, какъ и заслуги г. Акакія Тарантулова. Русская драматургія есть именно тотъ важный родъ поэзіи, въ которомъ Акакіи Тарантуловы могутъ приобрѣтать неувядаемую славу отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенныхъ кулисъ, отъ потрясеннаго Кремля до трескотни общихъ собраній общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ...»

Надо кстаги сказать, что драматурги «Тарантуловы» ратовали противъ дѣйствительно чудовищныхъ гонораровъ, которые получали путемъ процѣнтныхъ отчисленій простой чиновникъ А. М. Кондратьевъ (который не написалъ даже драматическаго этюда г. Акакія Тарантулова, но бралъ съ общества по 20.000 рублей въ годъ, да и теперь береть!), противъ слишкомъ щедрого жалованья казначею Майкову и т. д. Раздоры въ обществѣ послужили вполнѣдствіи образованію союза драматическихъ писателей въ Петербургѣ.

Но тогда Суворинъ и Чеховъ поглядѣли на это дѣло глазами московскаго правленія общества.

ХІ.

Суворинъ-драматургъ.

Когда въ московскомъ Маломъ театрѣ поставили «Татьяну Рѣпину» съ М. Н. Ермоловой въ заглавной роли, спектакль прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ, съ выдающейся игрой артистовъ. Помимо г-жи Ермоловой, превзошедшей себя въ роли несчастной Рѣпиной, отлично игралъ Сабинина А. И. Южинъ, а еврейку—Н. Д. Никулина.

«Татьяна Рѣпина»—произведеніе зрѣлаго и сильнаго Суворина. Пьеса эффектна, сценична и написана превосходнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціи эта драма прошла съ громомъ аплодисментовъ, всѣмъ понравилась, а артистамъ давала отличный матеріалъ для игры.

И все-таки А. С. Суворинъ даже въ «Татьянѣ Рѣпиной»—не драматургъ. Это произведеніе большого писателя, но публицистъ проскальзываетъ всюду въ этой пьесѣ, чуть-чуть искусственной, съ явнымъ расчетомъ на эффектъ смерти артистки на сценѣ.

Я здѣсь разскажу о другомъ драматическомъ произведеніи А. С. Суворина, написанномъ уже въ старости, о драмѣ «Вопросъ», также шедшей впервые на Маломъ театрѣ въ Москвѣ, а потомъ—въ Петроградѣ, въ театрѣ самого Суворина.

Алексѣй Сергѣевичъ явился въ Москву задолго до постановки и вызвалъ меня. Мы съ нимъ завтракали въ «Славянскомъ Базарѣ», въ ресторанѣ. Суворинъ ждалъ князя А. И. Сумбатова для бесѣды о пьесѣ. Онъ волновался и спрашивалъ:

— Есть въ труппѣ Малаго театра хорошая молодая артистка?

Я боялся называть ему имена.

— Сумбатовъ рекомендуетъ Селиванову. Помнится, вы ее не хвалили.

— Вамъ нужна молодая артистка?

— Да, для роли бойкой барышни, дочери важнаго петербургскаго чиновника.

— Берите, кого хотите, только не Селиванову, — сказалъ я. — Ничего особеннаго не представляетъ собою г-жа Садовская 2-я, но, во всякомъ случаѣ, она хоть по-русски говорить будетъ.

— А Селиванова что такое?

— По-моему, артистка безъ всякой дикціи, но, какъ говорить, съ протекціей.

Какъ разъ въ это время пріѣхалъ князь Сумбатовъ.

— Ахъ, это для роли дочери Юрьева?—спросилъ князь Сумбатовъ.—Я бы рекомендовалъ г-жу Селиванову.

Я сейчасъ же возразилъ и князю Сумбатову.

— Я знаю, вамъ она не нравится!—замѣтилъ тотъ.

— О, вѣдь, эти господа театральные критики народъ престоигій!—сказалъ быстро Алексѣй Сергѣевичъ.—Впрочемъ, онъ на Садовскую указываетъ...

— Нѣтъ, я стою за Селиванову, — продолжалъ князь Сумбатовъ, которому также предстояло играть въ суворинской драмѣ бойкую роль Муратова.—Она роли, во всякомъ случаѣ, не испортитъ.

— Ну, такъ ей и отдадимъ!—сказалъ Суворинъ.

Я, конечно, болѣе не спорилъ. Однакожъ, скоро я узналъ, что роль дочери сановника отдана Садовской 2-й. Повидимому, Суворинъ убѣдился, что «артистка съ протекціей, но безъ дикціи»—дѣло не подходящее. Такъ оно и было. Онъ первый, увидя меня на генеральной репетиціи «Вопроса», сказалъ:

— Ну, знаете, Селиванова мнѣ совсѣмъ не понравилась! Нарочно ее смотрѣлъ...

— Я же говорилъ, что Садовская болѣе подходитъ.

— Да, съ грѣхомъ пополамъ, подходитъ... Скажите, почему у васъ молодые актеры какіе-то варенные?

— Какъ варенные?

— Да вотъ... спрашиваю одного... отчего онъ руку къ зиску поднялъ да такъ и заостенѣлъ въ этой странной позѣ? А онъ отвѣчаетъ: «Это говорить, я пробую изобразить усиленную думу!» Я ему говорю: «Оставьте!» А онъ опять по-своему дѣлается... Ну, да ужъ и...

Тутъ Суворинъ сталъ разбирать игру исполнителей со свойственной ему прямою. Онъ былъ самъ не свой, видимо, горя волненіемъ автора наканунѣ перваго спектакля.

— Пришлось конецъ пьесы передѣлать!—продолжалъ онъ.—Показалось неестественнымъ многое... Вообще, надо бы посидѣть надъ драмой...

Его позвали за кулисы, — онъ побѣжалъ, какъ, быть можетъ, торопился только въ молодости, почти рысью. Думаю, что онъ не уснулъ во всю ночь передъ спектаклемъ!

Драма «Вопросъ» личко мнѣ не понравилась. Блестящая по слогу, она носитъ на себѣ чисто петербургскій колоритъ. Острота о савонникѣ, не знающемъ, какой бываетъ въ полѣ овесъ, когда это «даже лошади знаютъ», очень смѣшна и въ Петербургѣ произвела фуроръ, но въ Москвѣ была принята хотя со смѣхомъ, но безъ особаго энтузіазма. Появленіе синьоры Венони (играла г-жа Федотова), какъ *deus ex machina*, дѣлало пьесу похожей на мелодраму. Самая дуэль героевъ казалась не совсѣмъ естественнымъ выходомъ. Словомъ, эта пьеса—относительно слабое произведеніе Суворина, и съ «Татьяной Рѣпиной» ее сравнить никакъ нельзя.

Публикѣ, однако, очень понравился спектакль, да и Суворина въ Москвѣ всегда любили. Автора «Вопроса» стали вызывать послѣ второго акта, а послѣ третьяго (Суворинъ вышелъ только тогда, когда крики: «Автора, автора!» стали дружными и общими) и четвертаго актовъ эти вызовы знаменовали настоящій, неподдѣльный успѣхъ. Я живой свидѣтель этого.

На другой день я посѣтилъ А. С. Суворина въ «Славянскомъ Базарѣ».

— Вы написали что-нибудь о спектаклѣ?—было первымъ вопросомъ Суворина.

Онъ сидѣлъ, разложивъ московскія газеты, и съ увлеченіемъ молодого автора-дебютанта читалъ отзывы нашихъ рецензентовъ.

Я сказалъ, что передалъ кратко по телефону о первомъ представленіи пьесы и о томъ, что былъ успѣхъ, автора дружно вызывали нѣсколько разъ.

— Скажите, голубчикъ, вѣдь, вы, конечно, были на представленіи?—спросилъ Суворинъ.—Гдѣ вы сидѣли?

— Въ четвертомъ ряду кресель. А что?

— Ну, скажите по совѣсти, охотно ли вызывала меня публика?

— И даже очень охотно и громко,—отвѣчалъ я.

— Многіе вызывали?

— Очень многіе. Послѣ второго акта не такъ много, а послѣ третьяго—усиленно вызывали. Также и послѣ четвертаго. По-моему, московской публикѣ вапа пьеса понравилась.

— Ну, вотъ видите! А вотъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что автора не вызывали, а онъ самъ выходилъ, вмѣстѣ съ вызывае-

мыми артистами. Знаете, мнѣ это было очень больно прочитать и именно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Я ихъ всегда считалъ опрятнымъ изданіемъ. И вдругъ, такое злостное искаженіе истины... Я, знаете, долго не шелъ. Актеры мнѣ говорятъ: васъ вызываютъ, идите! Но я пропустилъ второй антрактъ, вовсе не желая выходить на рѣдкіе вызовы. Послѣ третьяго акта я вышелъ, вполне убѣдившись въ желаніи публики меня видѣть... Вѣдь, я же это слышалъ, слышалъ!

Онъ былъ въ сильной ажитации, этотъ молодой старикъ, страшно впечатлительный и ненавидящій ложь. Указавъ на газеты, онъ продолжалъ:

— Ужъ и рецензіи я читалъ! Кое-гдѣ все-таки прилично и констатированъ успѣхъ... Но «Русскія Вѣдомости»! Кто бы отъ нихъ это ожидалъ... Я не ожидалъ, честное слово!

Въ тотъ же день онъ пригласилъ меня вмѣстѣ пообѣдать. За обѣдомъ была супруга Суворина, Анна Ивановна Суворина, Б. А. Суворинъ и г. Коломнинъ, племянникъ Алексѣя Сергѣевича.

Суворинъ отдохнулъ, и раздраженіе его улеглось. Разговоръ шелъ только о пьесѣ «Вопросъ» и объ ея исполненіи. Суворинъ очень хвалилъ О. О. Садовскую, Правдина и Южина; остальными исполнителями онъ остался менѣе доволенъ.

Не помню, кажется, Суворинъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Петроградъ, а его драма «Вопросъ» продолжала не безъ успѣха идти въ нашемъ Маломъ театрѣ.

XII.

Суворинъ — и война съ Японіей, революція въ Москвѣ и всероссійскія реформы.

Неожиданное нападеніе японскаго флота на русскій въ тавани Портъ-Артура и объявленная вслѣдъ за симъ война Японіи произвели на А. С. Суворина потрясающее впечатлѣніе. Онъ сталъ ежедневно печатать свои «Маленькія письма». Въ нихъ съ юношеской энергіей, горячо, сильно, патріотично выступилъ онъ за честь Россіи, за достоинство родины. Всѣ читали статьи Суворина съ захватывающимъ интересомъ. Онъ краснорѣчиво описывалъ свои первыя впечатлѣнія отъ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ, въ газетѣ своей онъ сдѣлалъ рядъ распоряженій. Отъ «Новаго Времени» поѣхало девять корреспондентовъ, снабженныхъ огромными денежными суммами и оплачиваемые за статьи баснословнымъ вознагражденіемъ. Суворинъ слѣдилъ за всѣми перипетіями войны, волновался, безпокоился, не спалъ по ночамъ, читалъ всѣ статьи, самъ писалъ, стараясь ободрить русское общество. Это былъ его годъ страды, онъ много унесъ у него силъ и здоровья. Кромѣ того, неудачи рус-

скихъ войскъ страшно и губительно отозвались на Суворинѣ. Онъ сталъ нервенъ сверхъ мѣры, вспылчивѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Опишу одинъ случай его крайней экспансивности, чему я былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Мнѣ пришлось пріѣхать въ Петербургъ, и я, конечно, посѣтилъ А. С. Суворина. Къ этому времени онъ, какъ редакторъ, испытывалъ массу неприятностей. Одинъ изъ корреспондентовъ «Новаго Времени» заболѣлъ и уѣхалъ изъ Портъ-Артура. Другіе, повидимому, ничего путнаго не присылали. Суворинъ прямо изъ себя выходилъ и кричалъ, что слѣдовало взять корреспондентомъ Вас. Немировича-Данченко, который «хоть даже чего и не увидитъ, а все-таки умѣло опишетъ!»

Я попалъ къ Суворину въ разгаръ такихъ недоразумѣній съ корреспондентами. Алексѣй Сергѣевичъ показался мнѣ сильно постарѣвшимъ, щеки у него впали, но со мной онъ обошелся пріятливо и сейчасъ же заговорилъ о Москвѣ, принялся спрашивать, какіе тамъ происходятъ безпорядки, сходки, волненія (дѣйствительно, въ Москвѣ ужъ готовились политическія движенія, въ послѣдствіи разразившіяся въ формѣ настоящаго бунта, съ «баррикадами» даже!). Я началъ рассказывать, и вѣсти изъ Москвы заинтересовали Алексѣя Сергѣевича. Онъ слушалъ нервно, качалъ головой, ахалъ, смѣялся, негодосвалъ.

Вдругъ неожиданно вошелъ нынѣ покойный В. А. Шуфъ. Я былъ очень удивленъ его появленіемъ. Въ началѣ войны я видѣлъ его въ Москвѣ, въ громадной папахѣ. Онъ ѣхалъ на войну корреспондентомъ отъ «Новаго Времени», снабженный полномочіями и средствами. Я спросилъ, зачѣмъ онъ въ папахѣ.

Шуфъ отвѣчалъ:

— Походная штука, батенька! Кто его знаетъ, придется въ поляхъ ночевать, вотъ вамъ и подушка.

И вотъ онъ оказался уже въ Петербургѣ, въ квартирѣ А. С. Суворина, хотя и безъ пахахи.

Увидавъ вошедшаго Шуфа, Алексѣй Сергѣевичъ весь такъ и всполошился. Такъ и вскинулся.

— Да это что же такое?! Вы что же это, въ самомъ дѣлѣ? Вамъ надо на войнѣ быть, а вы изволили бѣжать съ поля сраженія!?

Вскорѣ послѣ этого вошедшій на крикъ Суворина Б. В. Гей потихоньку объяснилъ мнѣ, что Шуфъ самовольно вернулся въ Петербургъ, кратко извѣстивъ редакцію, что онъ «ѣдетъ обратно».

— Вы что это!—продолжалъ, вскочивъ и не сажая корреспондента, Суворинъ, весь даже сотрясаясь отъ негодованія.—Какая нужда у васъ появилась возвращаться? Что вы, заболѣли, переутомились? Ранили васъ?

— Нѣтъ, не ранили,—отвѣчалъ Шуфъ:—но японцы наступали...

— Японцы наступали!—воскликнулъ Суворинъ.—Такъ что же изъ этого!? На войнѣ всегда такъ, или непріятель наступаетъ, или

мы на непріятеля наступаемъ... Дѣло корреспондента описывать все это, а вы что сдѣлали?

— Я опасался, что меня возьмутъ въ плѣнъ...

Суворинъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Да это, голубчикъ, чортъ знаетъ, что вы говорите такое! Вѣдь, это стыдно и позорно! Въ плѣнъ его японцы возьмутъ... Что жъ изъ того, что васъ хотя бы и въ плѣнъ взяли? Вамъ это полезно было бы... Можетъ быть, вы вернулись бы изъ японскаго плѣна поумнѣе... Я теперь весьма жалѣю, что васъ не взяли въ плѣнъ!

— Но, Алексѣй Сергѣевичъ, вѣдь я... не могъ же я...

— Молчите! Не оправдывайтесь! Вы только глупости способны наговорить. Вы струсили и убѣжали съ поля битвы... Ваше письмо мы читали, гдѣ вы объясняете причины бѣгства. Вы изволили умо-заклчить, что все потеряно, и вотъ, въ компаніи двоихъ сотрудниковъ изъ «Петербургской Газеты» и «Петербургскаго Листка» (какая компанія для васъ, подумаешь, отличная!) вы втроемъ рѣшили удрать... и прямо укатили въ Петербургъ! Очень благородно! И какъ это подходяще для сотрудника «Новаго Времени». Всѣ были въ редакціи противъ того, чтобы посылать васъ на войну, Я одинъ стоялъ за васъ. Я думалъ, что вы, какъ человѣкъ еще молодой и энергичный, оправдаете мой выборъ. И что же? Вы даже телеграммъ не умѣли путемъ составить. Мы получали какую-то дребедень. И только послѣдняя ваша телеграмма была интересна, первая и послѣдняя, такъ сказать! А затѣмъ вы съ двумя газетными евреями, испугавшись японскаго плѣна, рѣшили, что самое лучшее, самое умное—это бѣжать въ Петербургъ! Bravo, г. Шуфъ! Спасибо! Исполать вамъ...

— Алексѣй Сергѣевичъ, какой же смѣли попасть въ плѣнъ?— все не сдавался Шуфъ:—опасность была огромная!

— Фу, Боже мой! Ваши возраженія бессмысленны. Корреспондентъ долженъ описывать событія, а не дѣлать выводы о собственной опасности или безопасности. Ну, теперь, извините, я вамъ никакихъ порученій не дамъ! Можете безопасно сидѣть дома.

— Но, Алексѣй Сергѣевичъ...

— Оставьте, говорю вамъ, не возражайте! Можете идти, вы меня только раздражаете! И я вамъ, въ концѣ концовъ, такъ скажу: ваши товарищи по бѣгству поступили, какъ дураки, а вы, извините меня, поступили, какъ дуракъ въ квадратъ!

Суворинъ запыхался и сѣлъ.

Послѣ этого комплимента несчастный Шуфъ исчезъ. А Суворинъ разводилъ руками и все не могъ успокоиться:

— Корреспондентъ «Новаго Времени» бѣжить съ поля сраженія! Вѣдь, это что же такое!? Это что же!?

Повидимому, военныя неудачи Россіи такъ потрясли А. С. Суворина, что онъ захворалъ и уѣхалъ, кажется, въ Германію. По

крайней мѣрѣ, во дни «великой московской революціи» онъ находился за границей и, слыша урывками о нашихъ событіяхъ, не вѣрилъ, что въ Россіи серьезный бунтъ.

— Это не революція, а пародія!—твердилъ онъ:—я не вѣрю въ возстаніе русскаго народа...

Вернувшись, онъ написалъ нѣсколько статей о нашихъ политическихъ событіяхъ. Московская пародія, какъ выразился Суворинъ, пародія на французскую революцію, кончилась. Начались отечественныя реформы. Прошли первая и вторая Государственныя Думы. Послѣ созыва третьей Государственной Думы и избранія А. И. Гучкова предсѣдателемъ парламента я напрасно ждалъ статей А. С. Суворина.

Увы, «Маленькія письма» почему-то вдругъ прекратились. Новые событія, вѣянія, пріисшествія, реформы, новый укладъ жизни, повидимому, поразили А. С. Суворина и заставили его временно замолчать. Впрочемъ, не только Суворинъ, даже Л. Н. Толстой былъ подавленъ событіями «новаго курса» на Руси. Мнѣ говорили сотрудники «Новаго Времени», что Суворинъ, продолжая вести газету, иногда печаталъ статьи, но совершенно безъ подписи. Онъ не рѣшался возобновить своихъ «Маленькихъ писемъ». Однажды, напримѣръ, написавъ такое письмо объ А. И. Гучковѣ, предсѣдателѣ Государственной Думы, онъ вдругъ велѣлъ разобрать статью, хотя сотрудники, читавшіе статью въ корректурахъ, находили ее великолѣпной.

Въ концѣ концовъ, я дѣлаю выводъ, что А. С. Суворинъ, пожалуй, и совсѣмъ не растерялся передъ новой дѣйствительностью, а приглядывался къ ней, разбирался въ ней, оттого онъ и медлилъ со статьями. Вѣдь мужества у него было не занимать. Когда Алексѣй Сергѣевичъ вернулся изъ-за границы, онъ сразу обрушился на враговъ Россіи, оставляя въ сторонѣ всякія соображенія объ опасности для газеты. Вспомнимъ хотя бы его прекрасныя статьи о Носарѣ, о графѣ Витте. Суворинъ смѣло отказался печатать у себя манифестъ революціонныхъ партій. Словомъ, онъ явился героическимъ слугою и другомъ родины въ самыя критическія минуты всероссійской разрухи и общественнаго безпорядка. Всѣ честныя русскіе люди съ восторгомъ тогда произносили имя А. С. Суворина.

И вотъ, когда была созвана третья Государственная Дума, передъ Суворинымъ и всѣми интеллигентами открылся новый путь для новаго дѣла. Однако Суворинъ уже не могъ принять въ немъ первенствующей, какъ всегда, роли. Физическая усталость и надорванные нервы давали себя знать. Японская война въ особенности потрясла этого богатыря-патріста. Ранъ Россіи были ранами и Суворину. Болѣя тѣломъ и душой, Алексѣй Сергѣевичъ сталъ мнительнѣе и не вѣрилъ даже самому себѣ, не былъ дово-

лень даже своими блестящими статьями. Вотъ почему, мнѣ думается, и появился этотъ досадный пробѣлъ въ «Новомъ Времени».

Но онъ не потерялъ живого интереса къ обновленной русской жизни, ко всѣмъ ея событіямъ. И газету Суворинъ составлялъ по-прежнему самъ, и всѣ статьи читалъ и исправлялъ ихъ, просиживая цѣлыя ночи за работой.

Мощный старый писатель еще потрясалъ своими литературными перунами!

XIII.

А. С. Суворинъ, какъ редакторъ.

Эта глава моихъ размышлений о Суворинѣ—дань сотрудника, до самой смерти желающаго сохранить свѣтлую память о своемъ руководителѣ. Я пробую сказать только то, что сказать слѣдуетъ, именно одну правду, ничѣмъ не прикрашенную, прямую и безобязательную.

У А. С. Суворина, говорятъ, былъ дурной характеръ. Антонъ Павловичъ Чеховъ говорилъ мнѣ, что, живя въ Парижѣ, онъ часто «не выносилъ брюзжанья и придирательства Суворина» и уходилъ отъ него.

— Вы куда, Антонъ Павловичъ?

— Гулять!

— Брете, вы на меня сердитесь.

— Нисколько. Просто я хочу пройтись...

— Ну, идите, идите, чортъ съ вами!

Такія сцены возможны со всякими людьми, и съ большими, и съ ничтожными. Суворинъ въ Парижѣ, скучая и сидя безъ дѣла, могъ опуститься до бранчивости и старческаго брюзжанья. Что жъ, развѣ Суворинъ не человѣкъ?

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ»...

Я однажды ходилъ съ Суворинымъ по Москвѣ. На немъ была дорогая ильковая шуба, и онъ, должно быть, усталъ отъ ходьбы, сталъ каплять и выказывать неудовольствіе. Онъ бранилъ московскіе дома и улицы, грязь, извозчиковъ, вывѣски, «которыя разобратъ нельзя», толпу, «которая преть и толкается», наконецъ, даже снѣгъ...

— Чортъ знаетъ, что у васъ за погода! Я думалъ, здѣсь морозъ, этакій настоящій русскій морозъ-морозецъ, аленькія щечки, а, вѣдь, это что же такое? Крупа какая-то сыплется... подъ ногами таетъ...

Алексѣй Сергѣевичъ шелъ, ворчалъ. Я не зналъ, что ему отвѣчать. И потомъ, чтобы какъ-нибудь развлечь его, заговорилъ объ одномъ московскомъ купцѣ-милліонерѣ, который четыре раза вѣнчался, причѣмъ его прежнія три жены были живы.

— Не можетъ быть! Кто же это?

Я назвалъ фамилію, въ Москвѣ очень извѣстную.

— Удивительная исторія! Какъ это случилось, расскажите, это замѣчательно...

Я сообщилъ вкратцѣ, что этотъ купецъ-четыреженецъ, любя законный бракъ, говорилъ своему повѣренному, совѣтовавшему купцу жить съ четвертой женой гражданскимъ бракомъ, что будетъ и дешево, и безъ хлопотъ.

Купецъ погладилъ бороду и спросилъ:

— А какъ же, баринъ, «Исаія, ликуй!» не будетъ!?

— Какой «Исаія»?

— Во-на! Какой! Я, братъ, люблю, чтобы все честь-честью. Я съ невѣстой на коврикъ идемъ, а пѣвчіе «Исаія, ликуй!» поютъ. Ты, баринъ, изъ испанцевъ, кажись, будешь? Ну, а мы, православные христіане, насчетъ того, чтобы все по закону и чтобы обрядъ блюсти, стоимъ незыблемо! Такъ ты и запиши.

— Да, вѣдь, дорого будетъ стоить вамъ, уважаемый!— твердилъ еврей-адвокатъ.

— А тебѣ какая забота? Деньги всегда при насъ. Ты только дѣйствуй, а мы платить будемъ.

И купецъ дождался своего: вѣнчался въ четвертый разъ и слышалъ «Исаія, ликуй!»

А. С. Суворинъ очень смѣялся, говорилъ, что только Москва и можетъ таить въ себѣ подобные типы, называлъ купца какой-то «безобразной, но отдаленной копіей Ивана Грознаго», затѣмъ сказалъ:

— Отчего же вы этого не опишете?

— Ужъ очень дѣло-то интимное... Удобно ли?

— А вы въ формѣ разсказа, очерка; это характерно, это типично... Вообще, все чисто московское, намъ, петербуржцамъ, невѣдомое или мало-знакомое, вы должны заносить въ свои субботніе фельетоны. Вы иногда прекрасно расскажете что-нибудь незаурядное или представляющее интересъ, а то вдругъ заведете свою излюбленную полемику съ литераторами московскихъ изданій: Я знаю, васъ увлекаетъ такая полемика. Но разбирайте, что есть полемика общая и полемика частная. Вопросы государственные вызываютъ яростную полемику, и публика съ интересомъ это читаетъ. А кому интересно знать, напримѣръ, что въ газетѣ «Курьеръ» какой-то выгнанный профессоръ написалъ вздорную статью? Или кому надо знать, что московскій издатель N безграмотенъ, туго и глупъ? А вы на это тратите силы, выдумываете кудря-

выя фразы! Передъ вами открыта вся Москва. Это громадный музей. Онъ неисчерпаемъ. Ваши раскольничьи кладбища, быть Таганки, Хитровка, Грачевка, рынки, ночлежные дома, ростъ торговли, фабрики, фабричные короли, купцы старые и купцы новые, жизнь московскихъ окраинъ, гдѣ еще, вѣроятно, голубей гоняють¹⁾, все это крайне интересныя сюжеты, а такъ какъ вы умѣете описать то, что видите, то положительно вы грѣшите и противъ себя, и противъ газеты, дѣлая фельетонныя экскурсіи въ сторону отъ правильной своей дороги. Вы какъ-то описывали пасхальную заутреню въ Кремлѣ. У васъ хорошо звонилъ Иванъ-Великій. Позванивайте же, голубчикъ, почаще въ тѣ колокола, которые даютъ вамъ стройную музыку, а не какофонію!

Произошло знаменитое убійство секретаря полтавской духовной консисторіи А. Я. Комарова. Газеты подняли шумъ. Первый процессъ вызвалъ статьи корреспондентовъ, гдѣ доказывалось, что виновница убійства женщина, и что въ подозрѣніи остается жена убитаго. Профессоръ Патенко издаетъ свою безпримѣрную по легкомыслию брошюру: «Кто убилъ Комарова?» и доказываетъ, что только дамская кокетливая рука могла завязать въ бантъ веревку, найденную на шеѣ задохнушагося Комарова. Въ «Новомъ Времени» появились «Маленькія письма» А. С. Суворина, гдѣ и онъ склонялся къ выводу, что обвинявшіеся въ убійствѣ братья Скитскіе напрасно посажены на скамью подсудимыхъ, и что тутъ чувствуется рука ревнивой женщины.

Вскорѣ послѣ этихъ статей ко мнѣ явилась вдова покойнаго Комарова и рассказала все, что касалось обстоятельствъ таинственнаго убійства ея мужа. Пораженный этимъ рассказомъ, а также самой Комаровой, вполне интеллигентной женщиной, полной ума, энергіи, здраваго смысла и говорящей языкомъ образованнаго оратора,—я сейчасъ же написалъ фельетонъ «Къ дѣлу братьевъ Скитскихъ» и отправилъ въ «Новое Время». Фельетонъ былъ напечатанъ, и началось опять газетное столпотвореніе. Писали всякій вздоръ, но серьезныхъ возраженій словамъ г-жи Комаровой я не встрѣтилъ нигдѣ.

А. С. Суворинъ извѣстилъ меня, что онъ съ большимъ интересомъ читалъ мою бесѣду съ Комаровой:

«Я точно вижу передъ собой эту описанную вами женщину съ блѣднымъ лицомъ и темными волосами. Недавно я увидаль портретъ Комарова: совсѣмъ инымъ я его воображалъ! Я думалъ, это какой-нибудь консисторскій чиновникъ, злобный, мелочный; но, оказывается, это человѣкъ съ открытымъ, вполне интеллигентнымъ лицомъ, очень молодой при этомъ. У меня сразу родилось

¹⁾ Нынѣшнимъ лѣтомъ, проѣзжая по краю Москвы, я видѣлъ стаю бѣлыхъ голубей въ воздухѣ и вспомнилъ слова Суворина.

чувство жалости къ нему. Вы, Николай Михайловичъ, идете въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ, я читаю у васъ между строкъ, что вы готовы оправдать Комарову, что очень хорошо, если это удастся доказать, и обвинить братьевъ Скитскихъ, что очень плохо, такъ какъ, если судить по словамъ Патенка и корреспонденціямъ, оба Скитскіе тутъ совершенно ни при чемъ. Берегитесь! Такія ошибки для журналиста опасны. Знайте также, что пока не состоялось третьяго разбирательства дѣла, твердыхъ выводовъ дѣлать нельзя. Я же стою за то, что братья Скитскіе неповинны въ этомъ преступленіи».

Это письмо Суворина меня очень взволновало. Дѣйствительно, подавшись чувству жалости и выслушавъ искусную рѣчь г-жи Комаровой (впослѣдствіи она и на судѣ доказала свою способность великолѣпно объясняться: около двухъ часовъ шелъ ея допросъ, причемъ присяжный повѣренный Карабчевскій, защитникъ Скитскихъ «оптомъ», такъ какъ были защитники «и въ розницу», совершенно спасовалъ передъ этой замѣчательной женщиной, бросилъ тактику грубаго «сбиванія» и отступилъ, ничего не найдя въ словахъ вдовы убитаго, что могло бы оказаться ему полезнымъ),—я могъ, не зная дѣла, совершить ошибку, стать несправедливымъ. Я немедленно достала всѣ матеріалы дѣла бр. Скитскихъ, оправданныхъ въ Полтавѣ, но обвиненныхъ въ Харьковѣ, и сталъ изучать процессъ. Чѣмъ ближе я знакомился съ событіемъ, тѣмъ болѣе росла во мнѣ увѣренность, что г-жа Комарова никакъ не могла ни убивать мужа, ни руководить его убійствомъ; а относительно братьевъ Скитскихъ, напротивъ, рядъ косвенныхъ уликъ создавалъ для меня рѣшительный выводъ, что убить могли только Скитскіе, заинтересованные смертью Комарова, спасавшей ихъ отъ изгнанія со службы и отъ голода. По старому юридическому правилу, преступленіе совершилъ тотъ, кому оно было полезно. Комарова, лишивъ мужа, лишилась всего: средства къ жизни (она впослѣдствіи служила на желѣзной дорогѣ, получая тридцать руб. въ мѣсяцъ), почетнаго общественнаго положенія. Братья Скитскіе, наоборотъ, только выигрывали: смерть Комарова предотвращала ихъ изгнаніе со службы. Старшій Скитскій, съ пріѣздомъ Комарова въ Полтаву, потерялъ всякое значеніе въ консисторіи и былъ изобличенъ новымъ секретаремъ въ разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ. Ихъ участь была рѣшена,—отсюда и выводъ: убійство полезно однимъ Скитскимъ.

Обо всемъ этомъ я написалъ А. С. Суворину, добавивъ, что заинтересовавшая его курьезная брошюра профессора Патенка обсуждалась у насъ юристами, и московскій профессоръ Минаковъ назвалъ ее «болтовней старой бабы»,—мнѣніе вполнѣ правильное.

Суворинъ на это письмо мнѣ не отвѣтилъ. Третье разбирательство дѣла Скитскихъ произошло въ Полтавѣ, въ два пріема: зима

помѣшала судебной палатѣ осмотрѣть мѣстность убійства и пути Скитскихъ, будто бы шедшихъ черезъ гору «купаться по системѣ пастора Кнейпа», и дѣло отложили до лѣта.

Редакція «Новаго Времени» командировала на процессъ Скитскихъ меня, и я съ рвеніемъ исполнилъ эту обязанность корреспондента. Дѣло кончилось оправданіемъ братьевъ Скитскихъ. Мотивы оправданія—появленіе новыхъ свидѣтелей въ пользу Скитскихъ, рассказывавшихъ о дѣлѣ черезъ три года послѣ убійства. Юристы прямо называли ихъ показанія сфабрикованными. Я нахожу, что это приговоръ несправедливый (два судейскихъ голоса также были противъ оправданія). Свои статьи я писалъ такъ, какъ разумѣлъ суть дѣла. А я былъ увѣренъ въ виновности братьевъ Скитскихъ. Процессъ этотъ слѣдовало бы подробно описать и издать, но не такъ, какъ описали его харьковскіе и полтавскіе корреспонденты.

Разумѣется, мои статьи въ «Новомъ Времени» стали предметомъ нападокъ противниковъ моего взгляда. Но я сознавалъ, что стою за правду. Послѣ процесса лучшее полтавское общество прислало мнѣ нѣчто вродѣ адреса, гдѣ благодарили меня за истинное освѣщеніе дѣла, затуманеннаго громкими рѣчами адвокатовъ и лживыми показаніями разныхъ свидѣтелей.

Но лучшей моей наградой были слова А. С. Суворина. При личномъ свиданіи онъ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее:

— Я читалъ ваши корреспонденціи изъ Полтавы и долженъ сказать, что вы переубѣдили меня. Я болѣе не подозреваю г-жу Комарову и думаю, какъ и вы, что Комарова убили братья Скитскіе...

Этотъ эпизодъ касается исторіи конченной и забытой. Младшій Скитскій, выйдя изъ тюрьмы, пилъ «мертвую» и скоро умеръ. Живъ ли Степанъ Скитскій, не знаю, но мнѣ извѣстно, что онъ, очутившись на свободѣ, не могъ найти мѣста въ Полтавѣ и куда-то уѣхалъ... чуть ли не въ Америку. А самъ на судѣ давалъ клятву, что задачей его жизни будетъ разысканіе истинныхъ убійцъ Комарова! Что же, нашелъ ли онъ ихъ въ странѣ янки?

Кровь честнаго русскаго общественнаго дѣятеля А. Я. Комарова, желавшаго истребить дурные консисторскіе нравы и искоренить взяточничество, до сихъ поръ вопіетъ къ небу. Убійцы его официально не обнаружены. Пусть же Господь покараетъ виновныхъ, если люди были лишены возможности отыскать ихъ...

Однажды А. С. Суворинъ разбилъ меня за небрежный фельетонъ о Солдатенковѣ. Дѣйствительно, послѣ смерти этого интереснаго москвича я, торопясь и боясь опоздать, послалъ только небольшую замѣтку о дѣятельности этого «московскаго особняка», какъ принято у насъ называть крупныхъ дѣятелей.

Перейдя къ другимъ темамъ, А. С.—чѣ спрашивалъ:

— Отчего вы совершенно не касаетесь биржи? У васъ, въ Москвѣ, биржевикомъ и биржевыхъ зайцевъ легіоны. Биржа—пульсъ большаго города. Я самъ когда-то писалъ о биржѣ. Повидимому, вы далеки отъ этого учрежденія. Пожалуй, оно вамъ и непонятно, какъ было непонятно сначала и мнѣ. А вы побесѣдуйте съ Крестовниковымъ, съ биржевыми дѣльцами. Присмотритесь къ внѣшней сторонѣ биржевой дѣятельности. Она васъ и поразить, и захватить. Это прямо-таки какой-то кипящій котелъ. Не надобно залѣзать въ трясины специальностей биржевого дѣла, это черезчуръ сухо, а вы типы-то, типы рисуйте! Биржа дастъ вамъ удивительныя фигуры. Вы умѣете описывать людей. Попробуйте же московскую биржу, прошу васъ...

Нужно ли приводить другіе примѣры суворинскаго отношенія къ сотрудникамъ? Я тщательно припоминаю всякія указанія А. С.—ча и не могу найти ничего такого, что говорило бы о ненужности, о неправильности подобнаго внушенія, устнаго или письменнаго. Все было кстати, все вразумляло и помогало.

Суворинъ, весь погруженный въ тысячи дѣлъ, за всѣми слѣдилъ изъ Петербурга и каждому изъ насъ, постоянныхъ сотрудниковъ, давалъ «приказы по полку». Прочтите «Письма Суворина къ В. В. Розанову». Тамъ есть яркое подтвержденіе моихъ словъ.

Интересуясь всякимъ замѣчательнымъ явленіемъ жизни, Суворинъ особенно интересовался московскими театрами, самъ зналъ ихъ до тонкости. Если я—очень рѣдко, какъ помнится,—но все-таки опаздывалъ съ отчетомъ о какой-нибудь новинкѣ, А. С.—чѣ уже торопиль меня, иногда письмомъ, иногда телеграммой: что же не сообщаете о такой-то пьесѣ? Онъ требовалъ быстроты въ присылкѣ рецензій.

— Хорошо бы вамъ,—говорилъ онъ:—давать отчеты о пьесѣ по телефону! Зато какой эффектъ: на другой день въ Петербургѣ читаютъ отчетъ о пьесѣ, шедшей наканунѣ въ Москвѣ!

Это было бы, конечно, недурно. Я и передавалъ иногда въ «Новое Время» краткую корреспонденцію по телефону о какой-нибудь сенсационной пьесѣ, но отчетъ, болѣе подробный, приходилось посылать по почтѣ.

Будучи знаткомъ и любителемъ театра, издатель «Новаго Времени» мало удѣлялъ вниманія искусствамъ изобразительнымъ.

Понималъ ли А. С. Суворинъ въ художествѣ, въ живописи? Помню, онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что ему нравится «Христіанская цирцея въ римскомъ циркѣ» Генриха Семирадскаго. А по-моему, это очень безвкусная, вымученная и не реальная картина. Тѣло обезпамятѣвшей, замученной дѣвушки, привязанной къ спинѣ дикаго быка, написано и не ахти какъ хорошо, и, главное, невѣрно. Развѣ такимъ оно должно быть послѣ гоньбы быка по аренѣ? Вообще эту картину Суворинъ хвалилъ напрасно. Она не стоила этой похвалы. Но живопись Суворинъ чрезвычайно любилъ.

Однажды я сопровождалъ А. С.—ча въ Третьяковскую галерею. Кажется, тутъ былъ и Чеховъ, и еще кто-то. Суворинъ ходилъ и восхищался шедеврами русской школы. При этомъ его замѣчанія были вѣрны, а взглядъ очень зорокъ.

— Какъ потемнѣли тона «Березовой рощи» Куинджи!—говорилъ онъ.—Но что за талантъ! Сколько у него неожиданныхъ красокъ, разнообразія, поэзій!

Картину Рѣпина «Иванъ Грозный убиваетъ своего сына Иоанна» всѣ хвалили, но, помнится, трактовку сюжета Суворинъ не одобрялъ. Это я потому запомнилъ, что самъ не люблю это полотно, залитое излишнимъ обиліемъ крови и вообще возбуждающее гадливость. У Рѣпина талантъ титана, и мы счастливы, что живемъ одновременно съ такимъ великимъ русскимъ художникомъ, но иногда у этого прекраснаго артиста-художника проскальзываетъ незваная гостья—тенденція... а она-то совсѣмъ и не нужна Рѣпину!

Что же сказать еще о Суворинѣ, какъ о редакторѣ?

Я только что написалъ, что счастливы всѣ, кто является современниками гигантовъ-Рѣпинныхъ. По отношенію къ А. С. Суворину скажу также: счастливъ тотъ журналистъ, кто поработалъ у такого гиганта-редактора, какъ Суворинъ! Я это счастье испыталъ, и имя «А. С. Суворинъ» для меня священо.

Этотъ старый руководитель «Новаго Времени», какъ Борей, съ бѣлыми власами и сѣдою бородой; потрясалъ умы читателей и училъ всѣхъ насъ добру, чести, стойкости, борьбѣ за право и правду. Онъ давалъ сотрудникамъ свободу за ихъ искренность. Онъ былъ образованъ, многознающъ, полезенъ, добръ, доступенъ, справедливъ, милостивъ. Перестройте теорію, скажите, что это былъ крикунъ, вспыльчивый брюзга, безхарактерный человѣкъ... Все это, можетъ быть, въ немъ было, но въ дозахъ меньшихъ. Главное Суворина—его положительныя качества. Онъ былъ редакторъ мудрый, опытный и обладалъ проницательностью, передъ которой не спасала никакая маска. Онъ отъ своего сотрудническаго хора требовалъ вѣрнаго пѣнія и фальшивыхъ нотъ не выносилъ.

Это редакторъ—образецъ, примѣръ, достойный подражанія, редакторъ другъ и братъ, редакторъ, отечески относящійся къ вамъ въ минуту вашихъ паденій и заблужденій.

Пробыть нѣсколько лѣтъ въ распоряженіи такого редактора—это все равно, что прослушать курсъ лекцій талантливаго профессора.

Суворинъ-редакторъ—колоссальная статуя, повитая лавровымъ вѣнцомъ, и никто не можетъ сказать, что его вѣнецъ надѣтъ не по праву.

Многихъ редакторовъ можно упрекнуть въ чемъ-нибудь,—А. С. Суворина никто не дерзнетъ оскорбить даже малѣйшимъ упрекомъ.

Ибо, какъ редакторъ,—А. С. Суворинъ безупреченъ.

Н. М. Ежовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).